

«Чуточку внимания» Элизе Дулиттл

СЦЕНИЧЕСКАЯ судьба Алисы Фрейндлих складывалась из ролей невероятно счастливых девочек, обладавших неукротимой веселостью и энергией. Каждой из них жизнь дарила по солнцу, светившемуся в улыбках и песенках актрисы.

И вот сыграна новая роль — Элизы Дулиттл в драматической поэме Бернарда Шоу «Пигмалион», поставленной Театром имени Ленсовета.

На этот раз одних только лирических и нежных интонаций оказалось недостаточно, в голосе актрисы зазвучали драматические ноты. Новой героине Алисы Фрейндлих пришлось упорно и яростно сражаться за «чуточку внимания» со стороны окружающих ее людей, внимания, в котором никогда не испытывали недостатка ее прежние героини.

Неловко жеманничая, выставляя напоказ простенькую сумочку, она смешно вздергивает личико, подражая каким-то заносчивым леди, — так появляется Элиза в доме профессора Хиггинса.

Не все смешит в этой сцене, многое трогает: когда Хиггинс кричит на нее, она забивается под стол и жалобно оттуда попискивает. Вскоре она понимает, что ни

на кого не произвела впечатления, что все смеются над замухрышкой-цветочницей. Печально понунав голову, подобно бедному Чарли, изгоняемому на улицу, Элиза грустно бредет к выходу.

И вдруг — новый штрих. Ей дали конфету, чуть приласкали, вымыли, одели в роскошный халат, и вот в ней проснулась непосредственная и простодушная натура. Бурные всплески радости, удивления, обиды или восторга никак не соответствуют окружающей чопорности.

Вскоре Элиза — Фрейндлих, довольно быстро овладев премудростями светского тона, начинает, хотя и невольно, с блеском пародировать общество аристократов.

Она стремительно появляется в светском салоне в элегантном костюме знатной леди, чарующе улыбаясь «крупным планом». С патетической торжественностью переосекает гостиную, проявляя «высший» шик разбитных салонных девиц светского круга. Заученно помешивает ложечкой в чашке кофе и вдруг, забыв о лоске, неожиданно пускается в азартный рассказ о своей тетке, не в меру употребившей джин. В эти минуты свойственная дарованию Фрейндлих насмешливая нотка звучит в ладу

с язвительной карикатурой Бернарда Шоу над бессмыслицей светского «образа жизни».

Внутренний поэтический смысл образа Элизы открывается в финальных сценах. Отшумели пикники и балы, а печальная Элиза в длинном вечернем платье стоит у камина, раздумчиво и тревожно наблюдая за Хиггинсом, который по-прежнему относится к ней лишь

АКТЕРЫ И РОЛИ

как к поводу для научного эксперимента. И тогда в ее голосе появляются холодновато-металлические оттенки. Она словно подражает сухости и расчетливой бесстрастности Хиггинса. Это задевает и сердит Хиггинса, он срывает с ее руки кольцо и бросает в камин. Из его кармана свисает цепочка драгоценностей, взятых напрокат для Элизы, он возбужденно переставляет на столе фрукты с места на место и, уходя, громко хлопает две-

рю. Элиза торжествует — ведь это ее первая победа над Хиггинсом! И тут следует каскад пантомимических движений — она передразнивает Хиггинса, хлопает себя по лбу, как он, переставляет с бессмысленным выражением лица фрукты на столе и снова залихватисто и весело хохочет. А потом вспоминает о колечке. В ней просыпаются деловитость и энергия, она хватается щипцы и достает колечко из камина, бросает его на ковер и долго-долго смотрит на него — к ней возвращаются печаль и надежды.

Разъяренный Хиггинс (артист А. Эстрин) никак не поймет, чего же в конце концов хочет Элиза. Ведь он вполне обеспечил ей «буржуазное» счастье — вечерние платья, достаток и отличное произношение... А она хочет — и тут ее душат слезы — обыкновенного, человеческого счастья. Она взволнована, мечтает о «чуточке внимания». Но оказывается, что в этом обществе право на толику душевного тепла завоевать куда сложнее, чем приобрести светские манеры.

Наша заметка — об Алисе Фрейндлих. Но успех сопутствовал всему коллективу исполните-

лей и постановщику спектакля И. Владимирову. А главное, такая строптивая, хитроумная и талантливая Элиза возможна лишь в паре с тем Хиггинсом, какого играет А. Эстрин. Хиггинс — Эстрин — великолепная актерская работа. Достаточно вспомнить, с каким темпераментом он поясняет Пикерингу (арт. Г. Анчин), в чем произношение одного «о» отличается от произношения другого «о». Причем для Пикеринга, да и для нас, разницы тут нет никакой. И эта самозабвенная увлеченность, какая-то мефистофельская складка в характере создают особое освещение образа, созданного Эстриным. С каким азартом, злостью и восхищением он бегаёт вокруг Элизы, когда та демонстративно становится с ним на одну ступень.

Две новые актерские работы — свидетельство того, что наши молодые актеры не останавливаются на уже завоеванной популярности, а идут дальше, ищут, размышляют. Встреча с героиней Бернарда Шоу для А. Фрейндлих оказалась интересной страницей в ее творческих поисках и размышлениях.

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ

30 ЯНВ 1983

Смена

г. Ленинград